

Журналюги. Роман без героя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сергей Аман

18+

Сергей Аман

Журналюги. Роман без героя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70030843

SelfPub; 2024

Аннотация

Действие романа "Журналюги" начинается со взрыва в редакции газеты "Московский богомолец". Большинство без труда узнает в этом иронически вымышленном издании реальный "Московский комсомолец", в котором в девяностых годах ушедшего столетия был убит знаменитый военный корреспондент Дмитрий Холодов. И действительно – этот роман написан на основе реальных событий. И автор – Сергей Аман – был очевидцем всех редакционных перипетий, так как проработал в этом издании более десяти лет, на которые пришлись описанные в этом произведении происшествия. Но на самом деле реальность в романе сплетается с самым откровенным, практически фарсовым, вымыслом. Тем более что основную линию произведения составляет любовный роман двух сотрудников редакции мифического "Московского богомольца"...

Содержание

Кровь и сперма	5
Осень патриарха	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Аман

Журналюги.

Роман без героя

Многие события, описанные в романе, вымышлены автором. Некоторые совпадения с реальными фактами или персонами являются приметами описываемого времени, а из песни, как говорится, слов не выкинешь. Однако, как того требуют законы художественного произведения, имена персонажей изменены, а их поступки вымышлены, и любые совпадения с реально существующими людьми или событиями являются непредумышленными автором. Орфография и пунктуация, кстати, авторские, а неприличные слова – народные.

Кровь и сперма

– Да он е**т их прямо в своем кабинете... – сказала Наташка, прикуривая очередную сигарету.

– Ната-аш, – заканючила замухрышка за соседним столом, – ну мы ж договорились не курить в комнате.

– Да ладно, – отмахнулась Наташка, – сейчас летучка начнется, и покурить не успеешь.

Наташка рассказывала Сереге Оглоедову о Пете Фильтре, любвеобильном первом зама Лебедева. Оглоедов заскочил в редакцию «Московского Богомольца», где Наташка Гусева работала уже несколько лет, так как она обещала его пристроить по старой дружбе в это издание. Ну, и рассказывала о порядках в газете.

По ее словам, Петя Фильтр, небрежный щеголь с зачесываемой залысиной, не пропускал ни одной новоиспеченной корреспондентки «МБ». Не все они, конечно, оказывались падкими на ласки первого зама главного редактора «Московского Богомольца». Но не это волновало сейчас Оглоедова, ему хотелось спросить у Наташки: «А ты знаешь об этом из его рассказов или получила эти сведения на практике?» Хотя оба ответа его не устраивали. Но он молчал.

– У нас вакансия есть в литотделе, – продолжала Наташка. – Там Андрей Алмазов, новый редактор отдела, людей набирает. Пойдем прямо сейчас, пока летучка не началась.

– Пойдем, – согласился Оглоедов.

В маленькой комнатушке за столом, заваленным рукописями и письмами, сидел высокий человек в кожаном пиджаке.

– Андрюш, это мой друг, однокурсник, Сергей Оглоедов, – затараторила Наташка. – У него большой опыт работы в газетах, а еще он стихи пишет.

– Ты лучше скажи, кто у нас не пишет... – прокомментировал Алмазов слова Наташки и кивнул Оглоедову на стул напротив. – Садись.

– Ой, я побежала, а то сейчас летучка, а мне еще материал добить нужно, – проворковала Наташка и выпорхнула за дверь.

– Вы собираетесь служить в нашей газете, – вдруг перешел на «вы» Алмазов, роясь в каких-то бумагах на столе, – а какое жалованье вас устраивает?

– Я не собираюсь никому служить! – взвился вдруг Оглоедов. – И получать я хочу не жалованье, а зарплату.

Алмазов с интересом взглянул на Оглоедова, но ничего не сказал. В комнате повисла неловкая тишина. Было непонятно, как разрешить эту ситуацию. Но тут вдруг с зашуршавшей стены обрушился мощный голос: «Господа товарищи журналисты, всем бросить все дела и бегом на летучку, она состоится в кинозале».

Оглоедов испуганно поглядел в сторону звучащей стены и увидел почти под потолком здоровенный динамик.

– Извините, мне нужно идти, – сказал Алмазов.

– Да, извините, – невпопад ответил Оглоедов и метнулся к двери.

Выскочив, он наткнулся на спешащую по коридору в разрозненной толпе сотрудников «Богомольца» Наташку.

– Ну как? – схватила она его под локоть на бегу.

Сергея вздохнул и промямлил что-то, стараясь успеть за ней.

– Ничего не поняла, – сказала Наташка. – Ну ладно, идем со мной на летучку, там все расскажешь. – И с удвоенной силой потащила его за собой.

Все уже сидели в кинозале, разбившись на группки или поодиночке, и чесали языки в ожидании начала, когда вошел главный редактор Павел Сергеевич Лебедев. Как и ежедневно на планерки, на ежемесячную летучку он входил последним. Сотрудники «МБ» притихли. Главный окинул взглядом собравшихся и произнес вместо приветствия: «Плохо работаем, друзья». В последние годы это начало стало практически постоянным рефреном и планерок, и летучек. Все уже знали, что сейчас Лебедев приведет цифры подписки на текущее полугодие и сделает вывод: если и дальше так пойдет, то газету придется закрывать, а сотрудников выбрасывать на улицу. Но никто не боялся.

Во-первых, привыкли к постоянным редакторским угрозам, а во-вторых, несмотря на незначительное падение подписки, их тираж оставался самым большим в московском ре-

гионе. Битва за подписку происходила каждые полгода, а начиналась за несколько месяцев до начала подписной кампании и активизировалась к ее концу. В ход шло все: и реклама по ТВ и в самой газете, и конкурсы с подарками подписавшимся читателям, и шефские концерты, и выезды на самые разные площадки Москвы и Подмосковья. Тут незамеченным человеком был Сергей Богоножкин.

Бывший комсомольский работник, он перенес молодежный энтузиазм и неистощимый задор приемов, наработанных на предыдущей стезе, на сотрудничество с актерами, администраторами и руководителями разных рангов. Дни городов, праздники профессиональных союзов или крупных предприятий, любое значимое событие – все Богоножкин умел использовать на пользу родной газете.

Он устраивал для города или предприятия выступление ведущих журналистов «Богомольца», перемежаемое концертными номерами популярных артистов эстрады и сцены. И всегда рядом находилось место для «подписных» палаточек. В конце концов Лебедев разрешил ему организовать свой отдел с небольшим штатом, который назывался СМИ – служба массовых игр. Борьба шла за каждого подписчика. И «Богомолец» каждый раз побеждал, оказываясь самым читаемым изданием московского региона. Поэтому сотрудники «МБ», хоть и боялись своего главреда, но на его угрозы реагировали слабо.

Меж тем начался разбор полетов, то есть пристрастный

обзор номеров, выпущенных за предыдущий месяц. «Летал», то есть обзирал месячную подшивку, один из замов Лебедева – Вадик Ли. Во время обзора отмечались лучшие и худшие материалы, авторы которых соответственно премировались или штрафовались. Это определялось тайным голосованием, которое происходило после окончания летучки. Каждый обязан был сдать, выходя из зала, на свернутом листочке список «про» и «контра». Затем баллы подсчитывались – и раздавались «слоны». Список предлагал обозреватель, но любой из присутствующих мог добавить в него свое предложение. Тут же завязывались споры, элегантно называемые дискуссиями. Прерывал их обычно сам Лебедев, ставя все точки над «и».

Вот и сейчас он говорил по поводу Гусевой, которую предложил внести в список Вадик: «Есть у нас Наташа Гусева, пишущая о кино. Но самой большой ее удачей в журналистике было то, что она привела в нашу газету Машу Марайкину». Наташка при этих словах съежилась, а потом стала протискиваться сквозь сидящих к выходу, вытаскивая на ходу из пачки сигарету. Серега дернулся было за ней, но остался сидеть, чтобы хоть что-то понять.

Наташка периодически уходила из «Богомольца», шпыняемая главредом, а в последний свой уход в одну из столичных газет познакомилась там с Машей, пишущей на сопредельные театральные темы. И когда она вновь захотела вернуться в «Богомолец», потому что работа в нем затягивала,

как наркотики, она предложила пойти с ней Маше. Та согласилась. И нашла место своей жизни. Но Наташке жизни это не облегчило. И сейчас, пробираясь меж кресел, она считала, что это опять последняя капля для ее ухода. За ней следил глазами Вадик Ли. У него были на нее виды. И потому реплика Лебедева его неприятно царапнула.

Но главный редактор этого, естественно, не заметил. Теперь он уже вещал о главном: «Кровь и сперма! – говорил он. – Человек так устроен, что, что бы ни происходило, его интересуют кровь и сперма. То есть преступления и любовные переживания, что нередко сливается в одно. Вот на чем надо строить наши публикации!» Народ лениво внимал повелителю своих судеб. Вообще-то дела в редакции по сравнению с другими столичными изданиями шли совсем неплохо. Зарплата выплачивалась стабильно два раза в месяц. Политическая ситуация «на дворе» тоже вроде бы устаканилась, несмотря на постоянные интриги и повальное воровство в верхах. Чего еще желать простому журналисту?

Непростому, конечно, всегда все не так, но простых-то, как обычно, большинство. Более того – после недавних событий в редакции мало того, что ввели усиленную – увеличили штат – охрану, так еще и меняли мебель, что вообще считалось роскошью. А с охраной дело обстояло так. На одну из планерок, в самый ее разгар, вдруг ввалились здоровенные мужики в черной форменной одежде и, отрекомендовавшись движением национального единства, стали суро-

во спрашивать главного редактора, доколе «Московский Богомолец» будет идти в фарватере изданий, защищающих жидов и прочих иноверцев.

Лебедев растерялся и стал оправдываться, что его газета предоставляет свои страницы людям, принадлежащим любой конфессии, и совершенно не имеет к политике государства никакого отношения. Люди в черном, пообещав, что будут пристально следить за настроением мыслей в «МБ», горделиво удалились. А пришедший в себя главред устроил разнос охране, посмевшей, не разобравшись, пропустить черносотенцев, и поменял частное охранное предприятие, караулившее вход в редакцию. Теперь пройти в газету без предварительно заказанного пропуска стало практически невозможно.

А Павел Лебедев, чтобы очиститься от проникшей в его святилище скверны, решил вдруг поменять редакционные шкафы и столы. Сейчас, во время летучки, эти шкафы как раз и таскали грузчики из какой-то мебельной фирмы. Вдруг где-то в редакции раздался грохот, вероятно, какой-то из громоздких шкафов не донесли до места назначения. Лебедев покосился на дверь кинозала, но промолчал. Вадик Ли уже заканчивал оглашать список лучших и худших материалов, когда дверь в кинозал распахнулась и Наташка Гусева с перекошенным лицом крикнула всем сразу: «Редакцию взорвали!»

После секундного замешательства все вскочили с мест и

понеслись через фойе. В коридорах стоял смрадный дым. Быстро выяснилось, что взрыв произошел в одной из комнат, занимаемых отделом политики. Выбежавшая оттуда с окровавленным лицом и теперь стоявшая в ступоре Катя Гордеева все время что-то повторяла окружившим ее сотрудникам, но от шока не могла произнести ни слова связно. В комнате было все раскурочено, и не сразу среди покрытых гарью обломков и обрывков обнаружили привалившегося к стене Диму Горячева.

Он был почти неразличим, такой же черный от дымной гари. Живот его был разворочен, кисть правой руки оторвана, но он был еще жив. Леша Фокин и Саша Нимкин, схватив чье-то пальто, положили Диму на него и стали выносить в коридор. Кто-то уже звонил в «скорую», другие в милицию. Милиция прибыла раньше «скорой помощи». Когда в редакции появились люди в белых халатах, Диму уже было не спасти.

Он повторял какие-то слова, и Леша, пригнувшись к самому его уху, разобрал: «Этого не должно было случиться!» Как выяснилось потом, Дима не хотел верить, что его взорвали люди, которым он доверял. Ему должны были передать документы для очередной сенсационной статьи по коррупции в военной верхушке. Документы лежали в кейсе, который для него оставили в ячейке камеры хранения Казанского вокзала. Он спокойно забрал дипломат, доехал с ним до редакции, вошел с ним в свой отдел, в котором по случаю

летучки находилась только дежурная по отделу Катя Гордева, и раскрыл его. Раздался взрыв.

В чемоданчик была заложена мина-ловушка. Так его подставили. Дима Горячев вообще в редакции был на положении «белой вороны». Не потому, что его не принимал коллектив, наоборот, все к улыбочивому молчаливому парню относились с симпатией, но сам он ни с кем близко не сошелся, в попойках-междусобойчиках участия не принимал, да и в редакции не задерживался. Сдав очередной материал, исчезал для встречи с каким-нибудь «информатором». Однако статьи его производили эффект разорвавшейся бомбы.

Он писал о коррупции в верхних эшелонах российской армии, в частности – в Западной группе войск, встречался с Джохаром Дудаевым, тогда только что избранным президентом отколовшейся от России Чечни, писал о спецназе, дислоцирующемся в рязанском Чучкове и подчиняющемся только Президенту РФ, часто бывал в «горячих точках», присылая оттуда репортажи, в которых не занимал ничьей стороны. Вернее, занимал сторону тех, кто вел, по его мнению, справедливую войну, не трогал женщин, детей и стариков, а попавших в плен русских пацанов, только что одетых в военную форму и подчиняющихся приказам старшего по званию или должности, отпускал к матерям. Так действительно было в первое время гражданской войны, инициированной российским руководством в ответ на бездумные действия региональных лидеров, устроивших парад суверенитетов.

Правда, уже скоро эти стычки переродились в междоусобную грызню, где каждый был сам за себя, а российские солдатики стали разменной монетой в игре политиканов от власти и олигархов от воровства. наших ребят, в лучшем случае, резали под горло, как баранов, в худшем – жгли или четвертовали. А руководство страны вещало, что держит ситуацию под контролем. Слава Богу, Дима до этого не дожил. Его похороны превратились в нечто неопишное.

Тысячи людей собрались у редакции «МБ» на следующий после гибели журналиста день, когда весть о взрыве в «Богомольце» передали практически все средства массовой информации. Стихийное собрание превратилось в несанкционированный митинг. В одной толпе оказались интеллигенты, простые работяги, невысокого ранга чиновники, военные различных должностей и званий, некоторые политики, не было только олигархов. И слова, которые кричали совершенно разные люди, приспособив под импровизированную трибуну какой-то ящик, шли действительно от сердца.

Потому что это было не просто убийство очередного журналиста, каких уже было немало, это была гибель, театрализованная на заказ. Потому что Димины статьи были понятны всем и их читали все. Потому что все это разворачивалось практически на глазах у всего народа. И заказчики были очевидны, только конкретных имен и фамилий они не имели. А те, что имели, были недостижимы. И люди кричали с ящика каждый о причастности своей боли к боли от этой страны и

за эту страну, за этого светлого парня. И впервые едины были все средства массовой информации, несмотря на принадлежность каждого или уклон. Дима стал символом, его имя как скальпель вскрыло гнойный нарыв воровства и повальной лживости верхов, которые все видели, но сделать ничего не могли.

Можно, конечно, блеснуть своими скудными познаниями, вспомнить Льва Гумилева и сказать, что Дима был как раз тем самым пассионарием, критическая масса которых должна возродить Россию. Но дело-то в том, что на Руси (да, наверное, и в любом народе) всегда присутствует такой элемент, который дает представление о том, что такое норма. В древние времена это могли быть юродивые или шуты при королях, которые шли от обратного, или святые, которые так прямо эти принципы нормы и провозглашали. Хотя принципы и нормы это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Но не о том песня.

В нынешние времена такие люди могут встретиться в любом профессиональном сообществе, хоть в ГАИ или на таможне, и неудивительно, что в конце концов они оказываются журналистами или на худой конец посетителями редакции, так как на сегодня нет трибуны более доходчивой. Но слово «доходчивый» имеет в корне слово «доход». А так как на этой стезе время от времени такая возможность предоставляется, а жизнь наша, в том числе и журналистская, легче не становится, то журналист, берущий мзду, становится

обеспеченным журналистом, а не берущий – при определенных условиях – становится святым. К сожалению, к таланту конкретно писательскому это, как правило, не имеет отношения ни в том, ни в другом случае. А вот к условиям имеет.

И ко дню Диминых похорон ситуация была накалена до такой степени, что, случись какая-то малость, и социальный взрыв, легко переходящий в российский бунт, бессмысленный и беспощадный, был неминуем. Тысячи и тысячи людей пришли проводить журналиста в последний путь. Тысячи и тысячи людей плакали, не скрывая своих слез. Тысячи и тысячи людей сжимали кулаки и молча слали проклятия этой бездарной безвластной власти. Президент, конечно, обещал взять расследование этого преступления под свой контроль, но кто ему верил после того, как он обещал лечь на рельсы, если не выполнит предыдущих своих обещаний. И лег. Под олигархов и мошенников, мечущих в олигархи.

Расследование длилось годы. Каких только версий не выдвигали журналисты, в зависимости от собственной порядочности и окраски своих изданий. Чаще всего они, эти версии, крутились вокруг имени тогдашнего министра обороны Павла Воронина, которого президент сразу после печальных событий назвал лучшим министром обороны всех времен и народов. «МБ» затеял собственное расследование, пообещав крупную сумму в твердой валюте тому, кто выведет на след убийц. Сколько звонков сотрудникам «Богомольца» пришлось выслушать! Сколько нашлось «очевидцев» за

недорогую плату! Да и сами «убийцы» звонили пачками, правда, психиатрическая экспертиза быстро отсеивала кандидатов в Геростраты.

Иногда были звонки от людей, которые сообщали информацию, похожую на правду. Эти люди, как и их сведения, брались в разработку Генпрокуратурой, которая вела следствие, но, как правило, ничего существенного не добавляли. Не однажды звонивший таинственный голос, все время предупреждавший, что телефоны редакции прослушиваются, заявил, что за крупное вознаграждение он готов предоставить неопровержимые факты. Причем для этого он вышел не на «Богомолец», а на другое издание, где работал муж одной из корреспонденток «МБ», и передал это через него.

Для обмена денег, а требовал он ни много, ни мало двести пятьдесят тысяч долларов, на свои неопровержимые доказательства он назвал город Челябинск. Представители «МБ» должны были поселиться в указанной им гостинице и ждать его новых указаний. Двести пятьдесят тысяч баксов и сейчас сумма немаленькая, а в те годы была вообще малопредставимой. И тем не менее в «Богомольце» изыскали эту сумму и снарядили своих посланцев.

Поехали тогдашний первый зам Лебедева Наташа Ефанова, которую сопровождали двое корреспондентов-мужчин – Леша Фокин и Володя Кардашов. И еще они не смогли отказать в просьбе взять его с собой Вадиму Сомову, тому самому корреспонденту и мужу, через которого неизвестный

вышел со своим предложением. И все же ехать с такой суммой в совершенно незнакомый город было опасно. И тогда вызвались их сопровождать еще трое мужчин – сотрудники их же частного охранного предприятия, бывшие армейские офицеры. Был разработан план, согласно которому деньги незаметно должны были везти охранники. И поселиться они должны были отдельно. И только когда основная группа, которая должна быть на виду, получит эти самые неопровержимые доказательства и отзвонится им, охранники должны были передать деньги и присоединиться к основной группе.

Незнакомец появился в гостинице, когда они уже собрались уезжать обратно, и сказал Наташе, что у него есть видеозапись всего того дня, когда Дима забирал кейс, вез его в редакцию и вплоть до клубов дыма из окон издательства. Наташа попросила показать, прежде чем она передаст деньги, всего один кадр этой записи. Дима в тот злополучный день впервые надел новую куртку и джинсы, так что отличить подлинность съемки было нетрудно. Незнакомец сказал, что ему надо подумать и исчез. Как сквозь землю провалился на выходе из гостиницы. Правда, бросившейся за ним Наташе он успел сказать: «На этой пленке я!» Больше они его не видели.

А в Москве продолжались бои местного значения с прессой, выдвигавшей дикие версии гибели журналиста, со следственной бригадой, окутавшей свое расследование завесой таинственности, за которой угадывалась пустота, да и просто

с людьми с нездоровой психикой или мошенниками, пытавшимися заработать на несчастье. Главный редактор «Московского Богомольца» Лебедев искал всякие способы ускорить следствие или выйти на убийц силами редакции. Вообще в жизни Павла Лебедева столько всего происходило, но такое случилось впервые. Хотя это, впрочем, отдельная история.

Осень патриарха

Павел Сергеевич Лебедев вышел в олигархи из православных священников. А в священники подался, еще учась в актерском училище. Вернее, не сразу в священники, а к вере прибился. Когда вокруг звучали комсомольские песни, зовя молодежь на БАМ и другие стройки века, он, пройдя уже комсомольскую закалку в роли школьного вожака и руководителя художественной самодеятельности, знал, что за ними, за песнями, стоит для одних бесшабашный задор и безбашенный романтизм, а для других рутинная чиновничья работа, которая хорошо оплачивалась как материально, так и, будем говорить, духовно. Хотя это слово в данном контексте богопротивно.

Несмотря на то, что за комсомолом он в четырнадцать лет побежал «задрал штаны», так как был воспитан правильными родителями, уже к восемнадцати, когда ему предложили вступить в коммунистическую партию, тогда единую и неделимую, он ответил, что еще не готов к такому высокому званию как коммунист. Он был умный мальчик. И поступил в ГИТИС, причем с первого раза, не как некоторые. Все, казалось, давалось ему легко.

Первый курс ушел на веселое узнавание будущей профессии, на кутежи и знакомства с девочками, но Паша выросл быстро. Несмотря на дружелюбие и контактность, которые

создавали ему имидж рубахи-парня, внутри у него, как он считал – в душе, шла невидимая никому работа по «поиску себя». И его никак не устраивала та непреодолимая пропасть, которая лежала между реальной жизнью и теми требованиями, которые полагались обязательными при ее – реальной жизни – обслуживании, даже в таком вроде бы неприятном ремесле как актерство. И после второго курса, который он проскочил по инерции, Паша «запил».

То есть запойно стал читать религиозную литературу – после того, как кто-то из сокурсников принес и показал ему библию. И ему казалось, что еще чуть-чуть и он ухватит правду жизни, ее единость и совместность, за хвост. Его деревенская бабушка втайне от столичных родителей еще в раннем детстве крестила его, оставленного ей на попечение в летнюю отпускную пору. И хотя крестика Паша не носил, но всегда знал, что он православной веры. Окончательно от актерства его отвратило то, что, как он узнал, профессия эта не приветствовалась православным учением и актеров даже раньше полагалось хоронить вне стен кладбища. И на третьем курсе он ушел из института искусств в один из подмосковных монастырей. Что, кстати говоря, по тем временам было непросто, не поминая уже о конфликте с родителями.

Тут Лебедеву попался очень неглупый духовный пастырь, который объяснил ему, что, чтобы понять жизнь, не книжки надо читать, даже религиозные, а молиться и прислушиваться к себе: голос Бога можно услышать только внутри се-

бя. Паша всегда доверял внутреннему голосу и потому истово принялся молиться. Многодневные бдения пошли ему на пользу. В молитве он становился спокоен и принимал мир таким, каков он есть. Умного и при этом покладистого послушника отмечали все духовные наставники, которые посещали время от времени монастырь. И через год его послали учиться в духовную семинарию.

По окончании ее Павла направили служить диаконом в один из подмосковных приходов. Там он тоже понравился батюшке своим прилежанием, и тот вскоре рекомендовал молодого священника вышестоящим инстанциям. Не прошло и года, как Лебедева рукоположили и определили иереем в другой приход. И снова начальство не могло на него нарадоваться. Спустя всего три года отец Павел стал настоятелем, одним из самых молодых, в своем «собственном» храме. И тут развернулось все, что копилось в его душе с самых ранних лет. На его горячечные проповеди о братстве людском сходились не только местные прихожане, но и приезжали их послушать разные люди из недалекой Москвы. Тогда-то он и женился на одной из своих прихожанок, простой милой девушке, которая боготворила духовного пастыря.

Ему это льстило, хоть ему и стыдно было в этом признаться даже самому себе. Вскоре у них родилась дочка, которую они назвали простым и красивым русским именем Алenuшка. Однако проповеди его не давали жить спокойно не только его прихожанам. И вскоре ему намекнули сверху, что та-

кая истовость ведет не к Богу, а к гордыне. Отец Павел не воспринял этого всерьез, и даже более того – стал предлагать свои размышления, думая, что этим все прояснит, в печатный орган столичного патриархата «Московский Богомолец». Где, кстати, его приняли благожелательно и полюбили за искренность и талант.

Но конфликта с верхами это не уняло, а наоборот – подлило масла в огонь. И тогда как раз решивший уйти на покой редактор «Московского Богомольца» отец Герасим предложил верхам компромиссный вариант: отобрать у отца Павла приход, предложив ему взамен редакторство в «Богомольце», мол, тогда Лебедев будет под боком, а значит под присмотром у начальства. Начальство, подумав, сочло такой расклад приемлемым и предложило отцу Павлу выбор: храм или газета.

И тут в Лебедеве вновь проснулся человек искусства – газета, решил он. И не прогадал. И из обычного печатного органа, напоминавшего районные газеты советского периода, только определенной направленности, сделал живое, откликающееся на духовные нужды не только священнослужителей, но и заблудших овец ведомого ими стада, издание.

Конечно, ему не дали бы развернуться, но тут как раз приехала перестройка и верхам просто стало не до него. Верхам открывались перспективы, о которых при советской власти они и мечтать не смели. Различные льготы для них без преувеличения можно было назвать божескими, а вернее, по-

жалуй, божественными. Быть священником стало выгодно, а оказаться на верхних ступеньках иерархии – суперприбыльно.

Да и Лебедев не сразу перекроил газету: он теперь понимал, что на первых порах за ним будут пристально «приглядывать». И он пока вошел в столичные издательские круги, тем более что и они, круги эти, потянулись к Богу, познакомился с режиссерами многих московских театров, среди которых обращение к религии вдруг стало насущной необходимостью, и даже написал несколько исторических пьес, которые ставили его друзья-режиссеры.

А между тем события развивались непредсказуемо. Огромный Советский Союз в одночасье рухнул, оказавшись колоссом на глиняных ногах. И непонятная страна, начав с индивидуального частного предпринимательства, семимильными шагами устремилась к всеобщей капитализации, свалившись по дороге в канаву дикого капитализма.

Видя, как всеми возможными и невозможными способами «хозяйственники» прибирают к рукам «свои» заводы и пароходы, а честные организаторы производств, пытавшиеся демократическим путем, то есть пропорциональной раздачей акций, сделать хозяевами своих предприятий рабочих и крестьян, уходят в небытие, Павел Лебедев понял, что помочь своим «творческим работникам» он может только «твердой рукой».

И он сумел акционировать свою газету одной именной ак-

цией – на свое, естественно, имя. Опять же возможным это оказалось лишь потому, что его духовные наставники были заняты дележкой куда более лакомых кусков божеской собственности. Отец Павел сложил с себя сан, но остался дружен со многими священниками, с которыми он пересекался ранее, и в память о его духовных исканиях осталась на его лице только аккуратно подстриженная борода. Так же радикально, но не ломая хороших традиций он перестроил газету. Божеского в ней ничего не осталось, правда, проступило человеческое.

Человеческое, слишком человеческое, как сказал один философ. Господствующей стала формула «кровь и сперма», которую, кстати, придумал не Лебедев, а корреспондент информационного отдела Леонид Кравченко. Спустя несколько лет он благополучно эмигрировал в Израиль, оставив по себе добрую память этим вот основополагающим изречением. Тиражи «МБ» подскочили до небес, по сравнению, конечно, с остальными столичными изданиями. Повалили рекламодатели. Было организовано рекламное агентство «Онлайн», которое возглавила Екатерина Чекушкина.

Рекламщики «жили» обособленно, считая себя белой костью по сравнению с корреспондентами: еще бы, ведь они приносили огромный доход газете, кормили корреспондентов. Во всяком случае именно так представляла себе ситуацию Чекушкина, внушая это почти без обиняков и своим подопечным. Себя кормить они тоже не забывали: спустя

несколько лет «онлайновцы» уже летали всем коллективом отдохнуть на один из тихоокеанских островов, фрахтуя для этого «Боинг», а Чекушкина входила если не в первую, то уж точно во вторую сотню богачей Москвы.

А корреспонденты «МБ», навоз, на котором росли деньги, продолжали тащить свой воз. Конечно, они не голодали, но прилично зарабатывали только несколько ведущих журналистов, пробиться в число которых было тем сложнее, чем больше приходило талантливых перьев из других изданий. Естественно, тиражи «Богомольца» привлекли внимание практически всех именитых мастодонтов от журналистики, а Лебедев на всяческих медийных тусовках не устал приглашать их в свое издание.

И все же на такой площадке не могли не вырасти и свои собственные таланты. Особенным вниманием москвичей пользовалась рубрика «А ну-ка в номер!», которую и создал незабвенный Леня Кравченко. Дима Каверин сработал музыкальную страницу под рубрикой «Саундтрек», в которой впервые в нашей стране стали проводиться знаменитые хит-парады. Приведенная Наташкой Гусевой Маша Марайкина придумала рубрику «Авансцена», которая не только завоевала любовь «простого» читателя, но и привлекла внимание всей театральной Москвы.

В общем вскоре сколотилась такая команда, которую цементировал секретариат под руководством Лены Петровановой, что Лебедев уже не боялся оставлять свое издание на

время отпусков и командировок. А командировки он «выписывал» себе сам. Зачастил он в Испанию. И вскоре по коридорам «Богомольца» пополз слух, что у Лебедева там организовано другое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.